

Как говорят французы, «Человек - это стиль». Что означает человек един во всем, какой бы образ жизни он ни вел и чем бы он ни занимался. Точнее, так должно бы быть, но далеко не каждому, увы, дано осуществить это единство во плоти. Что и понятно - идеал недостижим. Но Анатолию Лобозькому, актеру божьей милостью, похоже, удастся никогда не изменять себе ни в чем ни на экране, ни на сцене, ни в быту. У нас в гостях - необычайно интересный человек, самый «закрытый» и загадочный актер российского театра и кино, заслуженный артист России Анатолий ЛОБОЦКИЙ...

- Анатолий, в свое время вы так убедительно сыграли роль французского переводчика в картине режиссера Владимира Меньшова «Зависть богов», что многие зрители ни на миг не усомнились в том, что вы сюда действительно явились прямо из Парижа. Тем более что вашим партнером по этому фильму был парижанин Жерар Депардье.

- Нет, я на съемки приехал не из Парижа, а всего лишь только из Театра Маяковского, где я работал и работаю и по сей день.

- И все же, все же... Дыма без огня, как говорится, не бывает. Не может быть, чтобы среди ваших предков не было так называемых потомственных аристократов - то ли лордов, то ли графов, то ли именитых польских шляхтичей. Признаться, ведь есть в вас дворянская кровь?

- А в ком из нас сегодня нет дворянской, татарской и еще бог вест какой крови, когда все так перемешано? Вплоть до того, что ты и сам порой уже не знаешь, кто ты, когда дело касается родословной.

- Но без поляков-то, наверно, тут никак не обойтись?

- Да, в самом деле, оба моих деда - чистокровные поляки. Дед по отцу - Наполеон Лобозький, а если быть совсем точным - Наполеон Брониславович, следуя русской традиции. У поляков ведь отчества нет. А дед по материнской линии - Стефан Лакишек. Так что отец мой, соответственно, - Анатолий Наполеонович, а мама - Элеонора Стефановна.

- Ну вот, так я и думал... Мне это тем более приятно, что моя бабушка по материнской линии Марья Завадеца - тоже полка из-под Львова, он ведь не всегда был украинской территорией. Но, правда, она из простого крестьянского рода.

- И что же с того?

- Ну не скажите. Как известно, для создания настоящего джентльмена-денди требуется несколько поколений джентльменов. В нашем же строго пролетарском государстве джентльмены были ни к чему. А наши прекрасные леди ворочали шпалы по той же причине всеобщего равенства... Вот я и думаю - откуда вы здесь взялись вам подобным: и по духу, и по внешности, и по манере поведения в быту?

- Что вы имеете в виду?

- Да вот хотя бы то, что вы всегда как бы отделяете от толпы, вы не сливаетесь с толпой. А это - самый верный признак интравертности характера, что есть уже своего рода аристократизм. В вас подспудно читается та пресловутая «белая кожа», за которую красивые в годы Гражданской войны...

уж поверьте, аристократизмом там в те годы даже и не пахло. Зато наш город очень славился своими знаменитыми бандитами и группировками, за что и заслужил в народе прозвище чуть ли не бандитской столицы России. Да и сегодня, думаю, понятие «тамбовская группировка» является нарицательным.

- А я-то по наивности считал, что это звание принадлежит Ростову или в крайнем случае Одессе-маме...

- Ну, по этому поводу спорить не буду. Скажу только, что так или иначе мне пришлось с самого детства плюс мамин библиотек, где я осваивал и классику, и все литературные новинки того времени. С другой - опасные дворовые разборки со шпаной.

- А как вы поняли, что вам надо учиться на актера? Это, видимо, вначале шло от ваших внешних данных? Или вам кто-то подсказал, что просто грех с такими данными не попытаться стать «звездой»?

- Да, но кто же в детстве слушает родителей? Они ведь сами туда прибыли, как говорится, честно, по распределению по окончании московских вузов поднимать провинциальную культуру. Отец мой - журналист, писатель, был заместителем редактора газеты «Тамбовская правда», а мама - заместителем директора библиотеки. Так что вполне, как видите, интеллигентная советская семья.

- И тем не менее вы, очевидно, не были пай-

мальчиком, «ботаником» в глазах хулиганья?

- Да я и сам-то был отчаянным хулиганом, не пропускавшим ни одной дворовой драки!

- Это сын таких культурных, образованных людей?

- Ну если можно так ска-

ЧАЩЕ ХОДИТЕ В ТЕАТР!

зая, я все-таки был образцованным хулиганом.

Оригинальное определение...

- Да, как ни странно, я в себе все это совмещал. С одной стороны - сплосколка с изучением на английском языке плюс мамин библиотек, где я осваивал и классику, и все литературные новинки того времени. С другой - опасные дворовые разборки со шпаной.

- А как вы поняли, что вам надо учиться на актера? Это, видимо, вначале шло от ваших внешних данных? Или вам кто-то подсказал, что просто грех с такими данными не попытаться стать «звездой»?

- Да, но кто же в детстве слушает родителей? Они ведь сами туда прибыли, как говорится, честно, по распределению по окончании московских вузов поднимать провинциальную культуру. Отец мой - журналист, писатель, был заместителем редактора газеты «Тамбовская правда», а мама - заместителем директора библиотеки. Так что вполне, как видите, интеллигентная советская семья.

- И тем не менее вы, очевидно, не были пай-

час других проблем достаточно.

- Хотя конечно же предупреждал нас Дмитрий Лихачев - что культура - первична. Что начинать надо с духовности, с образования и просвещения страны. Материальный базис, безусловно, очень важен, но ведь это далеко еще не все. Пример тому - все те же наши доморожденные нувориши, сытые, ухоженные, изнывающие от скуки и не знающие, чем заполнить пустоту существования.

- На это можно возразить лишь то, что, к сожалению, не всем нам от природы дан талант... Вот вы, к примеру, в детстве кем хотели стать?

- Все очень просто - с детских лет я мечтал быть художником. Всю свою жизнь я, сколько себя помню, рисовал. Изрисовал все свои книжки и тетрадки - словом, все, что только попадалось под руки. Даже окончил детскую художественную школу. А стал, как видите, артистом, хотя и люблю рисовать до сих пор. Но в основном сейчас рисую на полях своих ролей на репетициях, когда разучиваю роль.

- Что интересно, слово artist по-английски значит

публики - никто. А стало быть, ему нужны, как никому, пиар, реклама, пропаганда его творчества на всех каналах СМИ. Но в то же время режиссера и актера Анатолия Лобозького не встретит на тусовках, он обычно не маячит на экранах телевизоров... Чем это можно объяснить? Только лишь тем, что господин Лобозький по природе интраверт-аристократ?

- На самом деле вся эта тусовка мне неинтересна просто по определению. Это пустая трата времени. Хотя вы правы в том, что сегодня действительно время пиара. И если ты не узнаваем, не «раскручен», то тогда уж не выжить... Но если честно, то от этого зависит только сумма гонорара и не более того. По сути, весь тот селфиар, который так активно занимаются сегодня многие актеры, делается с одной только целью - увеличить себе гонорар.

- Что, в общем-то, тоже неплохо. А вы разве против?

- Ну, что касается меня, то мои нынешние гонорары меня пока вполне устраивают. Я могу себе позволить сниматься в фильме, где мне нравится сценарий, но заплатит мы тебе больше, к сожалению, не можем. Да, это мало! Но что делать, так сложилась ситуация с деньгами. Выручай!

- Так значит, это они сами уменьшают, а не вы? Тогда понятно.

- Хорошо, я скажу по-другому. Вот, например, мне нравится сценарий фильма, а продюсер говорит мне: «Толя, мы очень хотим, чтобы ты у нас снялся, но заплатит мы тебе больше, к сожалению, не можем. Да, это мало! Но что делать, так сложилась ситуация с деньгами. Выручай!»

- А что, разве такая степень существует, разве есть такой предел?

- Да, он, естественно, имеется. Ну разве что у каждого он свой... Вот, скажем,

Джордж Клуни или Брэд Питт могут позволить себе роскошь сняться в фильме своего друга-режиссера совершенно бесплатно с единственной целью его поддержать. Они достигли в этом смысле независимости - получаю миллионы долларов за роль. А я хотя и не дошел до такой независимости, тем не менее могу себе позволить сняться в фильмах если не бесплатно, но за небольшие деньги.

- К вашей главной роли в «Зависти богов» это, вероятно, отношения не имеет. На мой взгляд, вам там удалось невырванное - сыграть м у ж с к у ю страсть, но сделать это очень целомуудрено, тактично, хотя

что может быть естественнее страсти двух взрослых людей? Их любовь не может быть не плотской, не телесной, это ясно. Но, если честно, я как актер скорее предпочел бы обойтись без откровенных сцен.

- Если учесть еще, что вы - неприницаемый, интраверт...

- Но что делаешь? Профессия обязывает. Ты должен уметь сыграть кого угодно и что угодно, если ты на самом деле профессионал.

- То есть, видимо, так, чтобы вашего Рихарда Третьего все зрители возненавидели?

- Да нет, совсем наоборот. Моя обязанность - сыграть злодея так, чтобы его все полюбили, чтобы его поняли и даже, может быть, в какой-то степени простили.

- Это звучит парадоксом!

- Но, уверяю, так оно и есть. Ведь актер - адвокат своего персонажа, это еще Станиславский сказал. То есть чем больше ты для своей роли адвоката, тем лучше будет эта роль.

- Но вот, к примеру, этот ваш француз или, точнее, французившийся русский из все той же «Зависти богов»... Вы его, видимо, «списали», «срисовали» с неких истинных потомков эмигрантов из первой волны?

- Нет, конечно. Я такие «французских русских» встретил в жизни только после съемок фильма... Думаю, если бы я был в то время уже очень популярным и «раскрученным» артистом, зрители сказали бы: «А, да это ведь Толя Лобозький играет французом!». Но в том и состоял тот мудрый пиар-ход, который предложил тогда Владимир Валентинович Меньшов, - взять, скажем так, не слишком знаменитого актера, не известного пока еще широкой массе зрителей, тогда скорее и поверят в то, что он действительно француз.

- Тогда опять же парадокс! Прошу, поименно меня правильно, но более блестящего, изысканного джентльмена-денди, чем Лобозький, на мой взгляд, сейчас среди наших мужчин-актеров просто нет. Аристократов и патриотов в кино изображает бог

весь кто какой-то плебе, чуть ли не лапотные мужики... И вы, казалось бы, должны быть в этом смысле нарасхват.

- Ну, для мужчины, как мне кажется, это отнюдь не комплимент. Все дело в том, насколько ты всем интересен как актер. В нашей профессии, поверьте, внешность вовсе не первична - взять вот хотя бы Евстигнеева, Леоно-

ва, Ефремова или того же Бельмондо... Если у вас есть обаяние таланта, внешней блеск тут ни при чем.

- Жаль, вас не слышит господин Ален Делон, он бы, наверно, нашел что возразить на этот счет!.. Но я не просто красоте имел в виду. Я не пойму, куда у нас девался вкус, девался стиль? Где это видели, чтобы Островского играли в драных

особых-то противоречий нет. Хотя, конечно, все закончившие «Шуку» - Институт имени Щукина, слегка помешаны на славе и величии Театра имени Вахтангова. Но их легко понять.

- Помню, как Юлия Ильинична в «Культурной революции», как говорится, уложила на лопатки оппонентов силой своей подлинно железной логики. То есть ваша жена - прирожденный философ, и это отметили все.

- Что ж, она - умная, серьезно образованная женщина, не говоря уж, что Юлия - очень приличная актриса...

- Вы ведь с ней - верные приверженцы репертуарного театра, хотя многие ваши коллеги «из-

бы, духовные сокровища страны, не приносящие немедленного коммерческого успеха. И если им не помогать, не содержать на государственные средства, они могут очень просто умереть. А на их месте будут вытеснены какие-нибудь новые торговые ряды... Но должна же ведь быть у великой страны своя гордость не только по части торговых рядов? Да та же самая национальная идея наконец. Но, к сожалению, нашей стране пока, увы, не до культуры - это то, с чего и начался наш разговор.

- Но «Маяковка»-то ведь, кажется, не пребывает в нищете?

- Ну почему же? Пребывает постоянно, как и все.

- И что, так трудно, невозможно их дотировать,

прилично содержать?

- Извините, но этот вопрос не ко мне. Хотя дотации, конечно, нам какие-то дают, но это только-только, чтобы с голоду не умереть. Поэтому приходится рассчитывать на спонсоров, на меценатов, на рекламу на наших программах. Вот так и живем...
- Ну, в таком случае представим фантастическую ситуацию: вы не стали, допустим, актером, как прежде не стали художником. Кем вы могли бы тогда стать, куда бы вы пошли?

- А думаю, скорее всего - в лес.

- Как это - в лес?

- Да очень просто, стал бы егерем, подался в лесники...

- То есть вы любите охоту?

- Нет, охоту не люблю. Я же сказал, что стал бы егерем, жил в одиночестве в какой-нибудь избушке и бродил бы по лесам. Кроме природы, воздуха, простора и свободы, мне не надо в этой жизни ничего. Хотя я как бы и типичный горожанин, но всю жизнь меня влекло, что называется, в пампасы... Моя самая заветная мечта - сидеть, допустим, у реки, смотреть на воду, на течение и думать о своем.

- Да нам бы всем не помешало предаваться столь полезному и благородному занятию хоть иногда в нашей безумной повседневной суете! Недаром Пушкин говорил: «А есть счастья нет, и счастья покой и воля».

Беседу вел Владислав ЧЕБОТАРЕВ

